

РОЛЬ ПРОРОЧЕСТВА В ИСТОРИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ¹

Благоприятный для реформаторов исход борьбы за *libertas ecclesiae* (свободу церкви) стал предпосылкой того, что в XII в. размышления об истории Римской церкви начали помещаться в эсхатологический контекст, в котором нашли себе место такие важные экзегеты и богословы, как калабрийский аббат Иоахим Флорский († 1202).² До этого времени пророческая тематика, по крайней мере в западном обществе, оставалась на заднем плане, и только во второй половине X в., с появлением сочинения об Антихристе монаха Адсона Дервенского (*Adso Dervensis*),³ этот апокалиптический образ появился в латинской литературе,⁴ включив также разрабатывавшуюся на Востоке тематику последнего властителя мира. В ходе борьбы, столкнувшей Римскую церковь с Германской империей, начиная с эпохи Григория VII связанная с Антихристом лексика употреблялась, однако, только в полемических целях. Напротив, в течение XIII в. все более распространяющееся прочтение исторических событий в эсхатологическом и апокалипсическом ключе откроет широкое поле для использования пророчества внутри и вне церковных кругов.⁵

1. С Востока на Запад

В 1280-е гг. в Римской курии был сделан новый перевод «*Oracula Leonis*» («Пророчеств Льва Мудрого»), т. е. византийских пророчеств, составленных в XI в. и приписывавшихся императору Льву VI Мудрому (866—912). Изначаль-

¹ Текст представляет собой простую обработку доклада на конференции. Сведения, снабженные более обширной библиографией, нежели самая необходимая, содержащаяся в сносках к наст. статье, см.: *Rusconi R. Eschatological Movements and Millenarianism in the West (13th—Early 16th Centuries) // L'attente des temps nouveaux: Eschatologie, millénarisme et visions du futur du Moyen Age au XXe siècle. Turnhout, 2002. P. 29—44.* В том же томе следует указать также историографический обзор Р. Микетти (*R. Michetti*): *Gli storici e il profetismo medievale: alcuni percorsi degli studi tra XIX e XX secolo // Ibid. P. 111—133.*

² См. важную монографию: *Potestà G. L. Il tempo dell'Apocalisse: Vita di Gioacchino da Fiore. Roma; Bari, 2004.*

³ *Adso Dervensis. De ortu et tempore Antichristi, necnon et tractatus qui ab eo dependunt. Turnhout, 1976.*

⁴ См. обширный обзор: *McGinn B. L'anticristo. Milano, 1966* (то же на англ. яз.: *San Francisco, 1994*).

⁵ Описание более широкого исторического контекста см.: *Rusconi R. Profezia e profeti alla fine del Medioevo. Roma, 1999.*

но это был текст пропагандистского свойства, написанный в целях утверждения эсхатологической роли императора в деле защиты православия в последней битве против исламских войск, победно наступавших на границы Византии. Характерным и оригинальным было и его исходное формальное устройство: на каждой странице находилось нагруженное символическими смыслами изображение, окруженное надписями, которые изъясняли его значение.⁶

Поначалу такие пророчества распространялись без указания имени автора, но впоследствии были приписаны аббату Иоахиму Флорскому и легендарному епископу Ансельму из Марсико.⁷ В переводе на латынь сохранились отличительные особенности редакции еще одного текста, названного позднее «*Vaticinia de summis pontificibus*» («Прорицания о высших понтификах»), т. е. иллюстрированных пророчеств о папах.⁸ Над изображением в центре листа находился девиз, а внизу следовал пространный объяснительный пассаж, толковавший его значение. При переходе из мира Византии и греческого православия на латинский Запад и в Римскую церковь обнаружилось, однако, значительное изменение в ориентированности текста: предсказания стали относиться к превратностям церковной вертикали и, в частности, были направлены на удовлетворение воли к избранию в папское достоинство того или иного более или менее отождествляемого лица.⁹

Первую приспособляющую правку можно отнести к окружению могущественной семьи Колонна в ее борьбе за первенство против столь же могущественной римской семьи Орсини — и первое предсказание серии действительно представляет собой прямую полемику против кумовства «племени медвежьего» (*gens dell'ursa*). Общая же переработка всей серии из пятнадцати «прорицаний» («*vaticinia*»), вероятно, имела место во время длительного конклава, проходившего в Перудже с 1304 по 1305 г. и завершившегося избранием французского священнослужителя Бернара де Гота (Климент V; 1305—1314). По случаю этого конклава в умбрский город стеклись со всех концов западно-христианского мира разные люди, среди которых был один необычайный любитель пророчеств, эсхатологии и эзотерики, каталонский врач Арнальд из Вилановы (*Arnau de Vilanova*).¹⁰ Встреча людей облегчала хождение пророческих текстов в международных церковных верхах, даже когда совершенно не выделялась фигура автора того или иного текста.

В первой серии «Прорицаний» («*Vaticinia*») правка пророчеств была осуществлена по характерному методу составления пророческих текстов. Начиная

⁶ Ср.: *Alexander P. J.* The Byzantine apocalyptic tradition. Berkeley, 1985. См. также ниже сн. 40.

⁷ См. ниже сн. 39.

⁸ Первая серия была критически издана: *The late medieval Pope prophecies: The «Genus nequam» group* / Ed. M. H. Fleming. Tempe: **Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999.** Факсимильное издание с текстами Р. Э. Лернера (R. E. Lerner), М. Дж. Чарди Дюпре Даль Поджетто (M. G. Ciardi Dupré Dal Poggetto), Р. Мойнич (R. Moynih): «*Vaticinia pontificum*»: Cod. Vat. Ross. 374. Milano, 1985—1987.

⁹ Не вполне убедительна книга: *Millet H.* Il libro delle immagini dei papi: Storia di un testo profetico medievale. Roma, 2002 (то же на фр. яз.: Turnhout, 2004). См. также: *Vasoli C.* L'immagine sognata: il «*papa angelico*» // Roma, la città del papa: Vita civile e religiosa dal giubileo di Bonifacio VIII al giubileo di papa Wojtyła. Torino, 2000. P. 75—109.

¹⁰ Из обширной библиографии об этой личности укажем: *Gerwing M.* Vom Ende der Zeit: Der Traktat des Arnald von Villanova über die Ankunft des Antichrist in der akademischen Auseinandersetzung zu Beginn des 14. Jahrhunderts. Münster, 1996.

с первой картинки серии, легко отождествляемой с папой Николаем III Орсини (1277—1280), вплоть до одиннадцатой, «пророчества» были явно подправлены предсказаниями *ex post* (постфактум) в целях придания им значимости, которая заставила бы с большим доверием отнестись к подлинным предсказаниям, представленным четырьмя последними «прорицаниями» («*vaticinia*»). В них предрекалось пришествие «понтифика ангелического» («*angelicus pontifex*»), т. е. первосвященника свыше указанного, которому якобы предстояло преобразовать Церковь.¹¹ Что касается противоречивой фигуры отшельника Петра из Мурроне, ставшего папой под именем Целестина V (1294), то кажется совершенно невероятным, чтобы подобный род пророчеств использовался по случаю его избрания, хотя впоследствии пятое прорицание будет отождествляться с его образом.¹²

2. Экклесиологический централизм

С переносом папского престола с берегов Тибра на берега Роны, т. е. из Рима в Авиньон, на Западе коренным образом преобразуется обычная картина эсхатологических ожиданий и — особенно — меняется центр переработки пророческих текстов, касавшихся превратностей церковной жизни.

Следовательно, происхождение новых пророческих текстов, бытовавших в кругах, критически настроенных против папской политики того времени, следует отнести к Южной Франции. К кругам, связанным с каталонским врачом Арнальдом из Вилановы († 1315) и с радикально настроенным крылом монахов-францисканцев, восходили такие эзотерические тексты, как «*Liber Horoscorus*» («Книга Гороскоп») и «*Liber de Flore*» («Книга Цветка»),¹³ составленные в первом или втором десятилетии XIV в., но особенно новая серия «*Vaticinia de summis pontificibus*» («Прорицаний о высших понтификах»), составленная в Южной Франции, а именно во францисканских кругах, противившихся авиньонской папской власти и оборонявших оказавшийся под угрозой дух бедности своего ордена. Следовавшие характерным чертам редакции первой серии предсказания новых пятнадцати «прорицаний» заканчивались образом папы-антихриста, что свидетельствовало об отрицательных ожиданиях определенных кругов в связи с переходом папского престола к новому наследнику.¹⁴

В любом случае, в достаточно узких церковных кругах продолжала возникать и иметь хождение литература пропагандистская и обладавшая ярко выраженной прикладной направленностью. Не случайно именно в Авиньоне развернулась странная история брата-францисканца Иоанна из Рупессиссы (*de Rupescissa*), или Жана из Роктайада (*Jean de Roquetaillade*): находясь в за-

¹¹ См. в общих чертах: *McGinn B.* 1) «Pastor Angelicus»: Apocalyptic myth and political hope in the fourteenth century // *Santi e santità nel secolo XIV: Atti del XV Convegno internazionale di studi francescani*. Perugia, 1989. P. 221—251; 2) *Apocalypticism in the Western Tradition*. Aldershot (UK), 1994.

¹² Контекст этой проблемы см.: *Celestino V Papa Angelico / A cura di W. Capezzali*. L'Aquila, 1988.

¹³ В ожидании дальнейших исследований см., например: *Kaup M.* Der «*Liber Horoscorus*»: Ein bildloser Übergang von der Diagrammatik zur Emblematik in der Tradition Joachims von Fiore // *Die Bildwelt der Diagramme Joachims von Fiore: Zur Medialität religiös-politischer Programme im Mittelalter*. Ostfildern, 2003. P. 147—184.

¹⁴ Об этой серии см.: *Lerner R. E., Schwartz O.* Propaganda miniata: le origini delle profezie papali «*Ascende calve*». Milano, 1994 (то же на англ. яз.: *Journal of Medieval History*. 1994. № 20. P. 157—191).

ключении, он продолжал составлять пророческие тексты, касавшиеся будущего мира и Церкви, и пользовался необычайным вниманием со стороны авиньонских прелатов.¹⁵

В различных церковных кругах начала все отчетливее оформляться идея эсхатологической связи между институтом папской власти и городом Римом. Идея возвращения первосвященника на берега Тибра и роли города — различными способами уподобляемого новому Иерусалиму — укрепилась в течение центральных десятилетий XIV в., чему способствовали также труды личностей различного характера и вдохновения: от принцессы Бригитты Шведской († 1373 в Риме), которая в собственных «Revelationes» («Откровениях») вновь связывала эсхатологическую роль Рима и Иерусалима, до римского трибуна Кола ди Риенцо († 1354) и его несчастной, но исполненной пророческого пыла политической карьеры, от таинственной жительницы Сиены Катерины Бенинказа († 1380), которой агиографическая доминиканская пропаганда пожелала приписать возвращение в Рим престола папской власти, до стихов Франческо Петрарки († 1374), чьи строки сочетали уподобление пребывания папской курии в Авиньоне вавилонскому пленению евреев с последующим призывом перенести папский престол обратно в Рим.¹⁶

Эсхатологическая критика папской власти и относившиеся к нему пророческие ожидания прокатились по церковным кругам всей Западной Европы, достигнув ее крайних пределов в Богемии в эпоху Карла Люксембургского (1346—1378) и его ближайших наследников, например в писаниях Яна Милича Кромержичского (*Jan Milíč iz Kroměříž*), вплоть до медленно тлевшего гуситского мятежа и его милленаристского апокалипсиса в движении таборитов, подавленном силою оружия в конце второго десятилетия XV в.¹⁷

В таком контексте церковной политики и по-новому обрисовавшегося политического равновесия держав в Западной Европе разразившийся в 1378 г. новый церковный раскол, которому предстояло продлиться почти четыре десятилетия, до избрания Мартина V Колонны на Констанцском соборе в 1417 г., вызвал целую волну пророчеств. В поисках критериев истолкования в эсхатологическом ключе событий настоящего и особенно их грядущего исхода в свете прошлого новые составители предсказаний пошли по пути широкого обращения к разработанной ранее пророческой литературе. В этих обстоятельствах среди итальянцев была осуществлена значительная переработка некоторых имевших хождение пророческих текстов.¹⁸

Около 1366 г. появился автор, скрывавшийся под псевдонимом Телесфора Козенцкого: его имя переводилось с греческого как «к концу ведущий», а происхождение намекало на родину Иоахима Флорского, самого влиятельного автора пророчеств. Он принялся за трактат, в котором по примеру Иоан-

¹⁵ См. недавнее изд.: *Roquetaillade Jean de. Liber ostensor quod adesse festinant tempora*. Roma, 2005; и более раннее: *Rupescissa Johannes de. Liber secretorum eventuum: Édition critique, traduction et introduction historique / A cura di R. E. Lerner e C. Morerod-Fattebert*. Fribourg (Suisse), 1994.

¹⁶ Основные ссылки об этом см.: *Rusconi R.* 1) *L'escatologia negli ultimi secoli del Medioevo // Eschatologie und Hussitismus*. Praha, 1996. P. 7—24; 2) *Profezia e profeti...* P. 73—88.

¹⁷ Помимо «*Eschatologie und Hussitismus*» см. пространное исследование: *Šmahel F.* *Die hussitische Revolution*. Hannover, 2002.

¹⁸ Обо всем этом см. также: *Rusconi R.* *L'attesa della fine: Crisi della società, profezia ed Apocalisse in Italia al tempo del grande scisma d'Occidente (1378—1417)*. Roma, 1979.

на из Рупессиссы истолковывалась история Церкви в свете череды основных ее расколов. Действительно, обнаружившийся разрыв церковного единства заставил его в 1386 г. снова взяться за собственный текст в свете последних событий и истолковать их в пророческом ключе, особенно подчеркнув эсхатологическую роль французской монархии: этому могло способствовать его местожительство — вероятно, Лигурия, вооружившаяся в пользу заальпийской династии.

В ходе множества мучительных и трудных событий, в центре которых стояло восстановление церковного единства на Западе, политический кризис имел и свою интеллектуальную сторону: он фактически открыл путь самостоятельного развития политическим прорицаниям, по крайней мере частично свободным от религиозных перипетий и их истолкования.

Возвращение старинной традиции было, со своей стороны, представлено третьей серией «Прорицаний о высших понтификах» («*Vaticinia de summis pontificibus*»), выполненной в технике коллажа двух более древних серий и с изменением их хронологической последовательности на противоположную. Последнее и ужасное предсказание второй серии оказалось в середине ряда, который, помимо прочего, совпадал с понтификатом итальянца Урбана VI (1378—1389), с чьим избранием по смерти француза Григория XI (1370—1378) началось разногласие, приведшее к расколу, начавшемуся избранием женева Климента VII (1378—1394). Фигуры, связанные с ожиданием «понтифика ангелического» («*angelicus pontifex*»), снова оказались в конце. Налицо была попытка пропаганды внутри церковных кругов или, во всяком случае, властных элит в пользу понтификов, избранных на соборе, созванном в Пизе в 1409 г., дабы положить конец расколу (результатом его стало, однако, сосуществование трех пап, признаваемых отдельными подчинявшимися им группами). Не случайно в этой «длинной» серии «Прорицаний о высших понтификах» и Александр V (1409—1410), и Иоанн XXIII (1410—1415) рассматривались как законные папы.¹⁹

3. Пророчество и политика

Если в исторических перипетиях, касавшихся церковных институтов, пророческие тексты воспроизводили отсылки, пускай неустойчивые, к более обобщенной эсхатологической картине, куда включались прошлое, настоящее и будущее Церкви, то и касавшиеся других властей предсказания, в свою очередь, включались в интерпретационную картину глубоко эсхатологического характера.

В свое время соотношение властей на Западе, отличавшееся от ситуации с преобладающей ролью византийского императора в православном мире, сделало возможным использование в интересах папы пророчества, созданного в поддержку императора, и тем самым заложило основы для разработки исключительно «политического» прорицания, сосредоточенного на роли самодерж-

¹⁹ Полная серия в экземпляре из Северной Италии, восходящем к 1410—1415 гг., хранится: Kremsmünster, Stiftbibliothek, cod. CC Clm. 6, и теперь доступна в сети: http://schulen.eduhi.at/stift_kremsmuenster/vat/index.htm.

ца. Иными словами — либо германского императора, либо королей различных национальных династий.²⁰

В начале этой линии прорицаний вновь находилась мифология восточного происхождения, т. е. пророчество о «последнем императоре», которому будет доверена эсхатологическая миссия — объединить род человеческий, преобразовать Церковь и отвоевать Святые Земли Палестины. Станным образом, впрочем, этот род предсказаний довольно редко появляется в связи с фигурой императора, вероятно, вследствие ослабления его роли в континентальной политике, кроме случая Карла V Габсбурга, в котором около 1530 г., даты его коронации в Болонье, слились образы самодержавного императора и национального монарха. Этот род предсказаний большей частью развивался в различных национальных монархиях.

Явное начало этому процессу положило уже пророчество «Карл, сын Карлов» («*Carolus filius Caroli*»), составленное в 1380-е гг. в пользу Карла VI Французского (1380—1422), и особенно распространение прорицаний на Иберийском полуострове с конца XIV в. и в ходе заключительной стадии Реконквисты и их широкое хождение во время объединения корон Кастилии и Арагона и на пороге «открытия» индийских островов, т. е. американского континента, трудами Христофора Колумба.²¹

Естественно, на Апеннинском полуострове эта линия развития пророчеств должна была иметь довольно ограниченное распространение, поскольку ожидания были в основном связаны именно с институтом папства, а настоящая национальная монархия отсутствовала. По этой причине то и дело возникали рефлексы прорицания в пользу императора или монарха в различных областях страны, чувствовавших склонность то к одной, то к другой политической гегемонии. Так происходило, например, в Южном королевстве по мере смены различных заальпийских династий — сначала швабских немцев (с 1268 г.), потом анжуйских французов (с 1302 г.) и, наконец, арагонцев и испанцев, которые в начале Нового времени распространили свое владычество и на другие части полуострова, и на острова.

Потому иной оказалась феноменология пророческих текстов и связанных с ними ожиданий в сложной системе итальянских государств, в их развитии от городов-государств позднего Средневековья к формированию государств-областей. Если в первых редкие пророческие тексты, начиная с XII и XIII вв., не могли выйти за пределы схемы противопоставления ожиданий, связанных с фигурой римского понтифика, и ожиданий, соотносимых с ролью императора, то с развитием вторых внутри них вызревала совершенно иная динамика, способствовавшая выходу на свет конкретной фигуры пророка и его роли.

²⁰ Речь идет о темах, лучше исследованных в отношении Нового времени. Ср.: *La prophétie comme arme de guerre des pouvoirs (XVe—XVIIe siècles)*. Paris, 2000.

²¹ См.: *Milhou A.* Colón y su mentalidad mesiánica en el ambiente franciscanista español. Valladolid, 1983; *Profecia i poder al Renaixement: Texts profètics catalans favorables a Ferran el Catòlic*. València, 1997. О последнем аспекте ср.: *Rusconi R.* Il 1) «Libro de las profecías» di Cristoforo Colombo: retroterra culturale e consapevolezza di uno scopritore // *Rivista di storia e letteratura religiosa*. 1993. № 29. P. 269—303; 2) *Profezia e profeti...* P. 237—264.

4. Фигура пророка и власть печати

Начиная с эпохи христианской старины и раннего Средневековья как на Востоке, так и на Западе пророческие тексты запускались в оборот с широким применением уловки приписывания их авторства персонажам древним, более или менее знаменитым или вовсе вымышленным.²² В связи с их позднейшей судьбой на латинском Западе можно вспомнить, например, прорицания, приписываемые епископу Мефодию Патарскому, или те же «*Oracula Leonis*» (и многие другие тексты).²³ На Западе также не было недостатка в воображаемых атрибуциях — от одной или другой Сивиллы из античного предания²⁴ до «чародея» Мерлина из кельтских дохристианских сказаний.²⁵

Иногда подобная традиция текстов прибегала к авторитету таких знаменитых лиц, как калабрийский монах и экзегет Иоахим Флорский († 1202), который на самом деле выработал своеобразное троичное и эсхатологическое богословие, не углубляясь в мелочную практику предсказания, которое у него не шло дальше общих рассуждений об исторической и церковной роли реформированного монашества.²⁶ Редкие указания относительно исторических задач папы и императора, извлекаемые из написанного им, позволили, однако, некоторым его единомышленникам углубиться в область предсказаний, по большей части анти-императорских, но при этом не обязательно благоволящих папе. Они возникли, в частности, в первой половине XIII в. среди наиболее обеспокоенных членов ордена братьев-францисканцев, единодушно противившихся императору Фридриху II, в котором видели предсказанного Иоахимом Флорским апокалиптического Антихриста. В эти же годы и в тех же кругах в Италии составлялись псевдо-иоахимовские толкования на книги Иеремии и Исаяи («*Super Hieremiam*» и «*Super Esaiam*»).²⁷

Наряду с множившимися ложными атрибуциями флорскому аббату, начали также появляться и атрибуции текстов таким в определенном смысле современным авторам, как брату-проповеднику Роберу Юзесскому (Robert d'Uzès;

²² О древних христианских пророчествах см.: *Norelli E.* 1) *Profezia e politica della ricezione antica dell'Apocalisse: Ippolito e Vittorino di Petovio // Annali dell'Istituto storico italo-germanico.* 1999. № 25. P. 315—346; 2) *Aspetti dell'autocomprensione profetica nella prima metà del II secolo sullo sfondo del conflitto tra vera e falsa profezia // Dimensioni e problemi della ricerca storica.* 2003. № 1. P. 63—85; *Carisma profetico: Fattore di innovazione religiosa / A cura di G. Filoramo.* Brescia, 2003.

²³ О грекоязычном и славянском мире см. также: *Pertusi A.* *Fine di Bisanzio e fine del mondo: Significato e ruolo storico delle profezie sulla caduta di Costantinopoli in Oriente e in Occidente.* Roma, 1988.

²⁴ Дар прорицаний, приписываемых Сивиллам, имеет свои характерные особенности по сравнению с пророческой и эсхатологической традицией. См.: *McGinn B.* *Oracular Transformations: The «Sibylla Tiburtina» in the Middle Ages // Sibille e linguaggi oraculari: mito, storia, tradizione.* Pisa, 1999. P. 603—644.

²⁵ Ср.: *Daniel C.* *Les prophéties de Merlin et la culture politique (XIIe—XVIe siècles).* Turnhout, 2007.

²⁶ См. выше сн. 2.

²⁷ В ожидании специального критического исследования см., например: *Moynihan R.* *The Development of the «Pseudo-Joachim» Commentary «Super Hieremiam»: New Manuscript Evidence // Parole ispirée et pouvoirs charismatiques.* Roma, 1986. P. 109—142. (*Mélanges de l'École française de Rome: Moyen Age — Temps modernes*; Vol. 98); *De Fraja V.* *Usi politici della profezia gioachimita // Annali dell'Istituto storico italo-germanico.* 1999. № 25. P. 375—400; *Kaup M.* *Friedrich II. und die Joachiten: Zur frühen joachitischen Antichristtheologie // Ibid.* P. 401—432.

† 1296)²⁸ в Южной Франции или же мистической духовидице Марии Робин (Robine; † 1399)²⁹ во времена великого раскола Западной церкви. В то же время получили хождение также пророческие стихи, приписанные терциарию Томмазуччо из Фолиньо.

В период, начавшийся в общем и в целом в последней четверти XV в. и завершившийся в третьем десятилетии XVI в., фигура пророка, напротив, сделалась особенно конкретной, начиная с некоторых странствующих проповедников покаяния, чей образ напоминал Иоанна Крестителя и, следовательно предвещал второе пришествие Христа в конце времен.³⁰ О его близости, несомненно, заставляли думать особенно военно-политические события, охватившие Апеннинский полуостров в последнее десятилетие XV в. и породившие атмосферу нестабильности, которая продержалась, по крайней мере, до утверждения испанского владычества. В эти годы во Флоренции достиг особенной славы пророка противостоявший французским войскам Карла VIII и папской политике Александра VI брат-доминиканец Джироламо Савонарола, вознамерившийся с амвона преобразовать в апокалиптический «новый Иерусалим» уже Флоренцию, а не Рим, за что он поплатился жизнью в 1498 г.³¹

Если трагическая судьба монаха была, несомненно, характерным примером невозможности для «пророка» играть самостоятельно активную роль в политической жизни региональных итальянских государств, то при княжеских дворах в те же годы, на рубеже XV—XVI вв., определенную значимость получил целый ряд «пророчиц» и «пророков».³² Они пользовались заметным уважением со стороны современников: от «сестер святых вживе», таких как Коломба из Риети в Перудже при Бальони и Лючия из Нарни при дворе князей Эсте, до таких отшельников как Бернардино из Паренцо во времена военных поражений Венецианской республики.³³ Известность подобных лиц была такова, что французский король Людовик XII (1498—1515) без колебаний увез в собой во Францию отшельника Франческо из Паолы (1416—1507) именно в силу приписываемой ему известности как пророка.³⁴

²⁸ См.: *Bignami-Odier J.* Les visions de Robert d'Uzès († 1296) // *Archivum fratrum Praedicatorum*. 1955. Vol. 25. P. 258—310; *Michetti R.* «Ecclesia arida»: Riflessioni attorno alle visioni di Robert d'Uzès sul papato, tra Roma e Parigi, nel primo periodo del pontificato di Bonifacio VIII // *Bonifacio VIII: Ideologia e azione politica: (Atti del Convegno organizzato nell'ambito delle celebrazioni per il VII centenario della morte, Città del Vaticano — Roma, 26—28 aprile 2004)*. Roma, 2006. P. 399—421.

²⁹ См.: *Tobin M.* Le «Livres des Révélations» de Marie Robine († 1399) // *Parole inspirée et pouvoirs charismatiques*. P. 229—264.

³⁰ Ср. также: *Volpato A.* La predicazione penitenziale-apocalittica nell'attività di due predicatori del 1473 // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1970. Vol. 82. P. 113—128; *Nobile B.* Romiti e vita religiosa nella cronachistica italiana fra '400 e '500 // *Cristianesimo nella storia*. 1984. № 5. P. 303—340.

³¹ Фундаментальным остается исследование: *Weinstein D.* Savonarola e Firenze: Profezia e patriotismo nel Rinascimento. Bologna, 1976 (оригинал. изд.: Princeton (NJ), 1970).

³² Ср.: *Zarri G.* 1) Le sante vive: Profezie di corte e devozione femminile tra '400 e '500. Torino, 1990; 2) Les prophètes de cour dans l'Italie de la Renaissance // *Les textes prophétiques et la prophétie en Occident (XIIe—XVIe siècle)*. Roma, 1990. P. 649—675. (Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age; Vol. 102).

³³ Ср.: *Billanovich M. P.* Una miniera di epigrafi e di antichità. Il Chiostro Maggiore di S. Giustina a Padova // *Italia medioevale e umanistica*. 1969. № 12. P. 197—293.

³⁴ Об этой личности и ее окружении см. недавний, пополненный новыми данными, сборник материалов конференции: *S. Francesco di Paola e l'Ordine dei Minimi nel regno di Napoli (secoli XV—*

С появлением наборной печати в последние десятилетия XV в. и в первые десятилетия XVI в. в основных итальянских центрах книгопечатания, начиная с Флоренции до появления Савонаролы, а затем в Венеции в годы кризиса гегемонии этого лагунного города постоянно имели хождение старые и новые пророческие тексты на латыни и на народном языке; среди них были «Откровения» («Revelationes») Мефодия Патарского. В этой обстановке во втором и в третьем десятилетиях XVI в. несколько братьев-августинцев, снесшись с генералом ордена Эгидием Витербоским, издали первое современное издание сочинений Иоахима Флорского, аутентичных и приписываемых ему именно в силу его славы как пророка.³⁵

5. Между прошлым и будущим

Крупным событиям политической истории тоже, в свою очередь, будет суждено оказать значительное влияние на положение пророка и прорицания в европейском обществе на рубеже последних лет Средневековья и первых — Нового времени. С одной стороны, падение Константинополя в 1453 г. под ударами Магомета II, конец Византийской империи и последующее перенесение центра тяжести православного мира в московский Третий Рим³⁶ изменят природу отношений между Западом и Востоком также и в плане отношения к роли пророчества и хождения пророческих текстов. С другой стороны, разрыв церковного единства как следствие рождения Церквей, возникших после протеста немецкого монаха Мартина Лютера в 1517 г., подорвет основу всеобщности пророчеств, связанных с ролью Римской церкви и римского понтифика, отныне уподобляемого Антихристу.³⁷

В дальнейшем пророки продолжат свое существование и перемещения, хотя их функциям и их роли, несомненно, суждено будет основательно перемениться. Можно было бы привести множество примеров, но мы, пожалуй, ограничимся показательным случаем папских пророчеств в картинках, которые явно утратили свою конкретную функцию в политической и церковной динамике, будучи связаны с механизмом указания на следующего папу, который должен быть избран. Еще в начале XVI в. такие личности, как испанский кардинал Бернардино Лопес де Карвахаль (Carvajal; † 1523) или итальянский минорит Пьетро Галатино,³⁸ могли толковать предсказания средневековых пророчеств как предвестие собственного восхождения на папский престол. Начи-

XVII): Atti del primo Convegno per la celebrazione del quinto centenario della morte di s. Francesco di Paola (1507—2007), Napoli, 27—28 aprile 2007. Napoli, 2008.

³⁵ См.: *McGinn B.* Circoli gioachimiti veneziani (1450—1530) // *Cristianesimo nella storia.* 1986. № 7. P. 19—39; *Rusconi R.* 1) «Ex quodam antiquissimo libello»: La tradizione manoscritta delle profezie nell'Italia tardomedioevale: dalle collezioni profetiche alle prime edizioni a stampa // *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages.* Leuven, 1988. P. 441—472; 2) *Profezia e profeti...* P. 161—186.

³⁶ Ср.: *Mil'don V. I.* Le millénarisme russe et le millénarisme occidental: deux types d'eschatologie // *L'attente des temps nouveaux.* P. 97—109.

³⁷ См.: *McGinn B.* L'anticristo... Cap. 8.

³⁸ Ср.: *Rusconi R.* Circolazione di testi profetici agli inizi del Cinquecento: La figura di Pietro Galatino // *Il profetismo gioachimita tra Quattrocento e Cinquecento.* Genova, 1991. P. 379—400; 2) *An Angelic Pope Before the Sack of Rome // Prophetic Rome in the High Renaissance Period.* Oxford, 1992. P. 157—187; 3) *Profezia e profeti...* P. 211—227, 265—294.

ная с первого печатного издания, а особенно с многочисленных публикаций, осуществленных в последние десятилетия XVI в. и в начале XVII в., пророчества превратились в известия глубоко эзотерического характера, издание которых, конечно, могло связываться с текущими церковными событиями, особенно с избранием нового папы, но уже не могло оказывать на эти события никакого значительного влияния.³⁹ Сходным образом традиция «Предсказаний Льва Мудрого» («*Oracula Leonis*») странно отразится в необыкновенных рукописях венецианско-критского патриция Франческо Бароцци (1537—1604).⁴⁰

Что до пророчеств об императорах и королях, то, по крайней мере на Западе, они окажутся в центре процесса переноса в область политической мифологии и пойдут иными путями: одним из результатов станет их связь с событиями различных мятежей, которые, особенно в первые десятилетия XVI в., как Хермании (*Germanias*) на Иберийском полуострове⁴¹ или крестьянский мятеж в Южной Германии,⁴² подвергнут серьезному пересмотру властные структуры, прибегнув к теологическому и пророческому арсеналу, который будет снова привлечен и искажен при их жестоком подавлении.

³⁹ Ср.: *Rusconi R.* Santo padre: La santità del papa da san Pietro a Giovanni Paolo II. Roma, 2010. Cap. 5. (*Sacro/santo*; Vol. 14).

⁴⁰ См.: *Rigo A.* «*Oracula Leonis*»: Tre manoscritti greco-veneziani degli oracoli attribuiti all'imperatore bizantino Leone il Saggio, Bodl. Baroc. 170, Marc. gr. VII.22, Marc. gr. VII.3. Padova, 1988.

⁴¹ См.: *García Cárcel R.* Las Germanías de Valencia. Barcelona, 1975; *Durán E.* Les germanies als països catalans. Barcelona, 1982.

⁴² Среди многочисленных публикаций об этом см., например: *Lohse B.* Thomas Müntzer in neuer Sicht: Müntzer im Licht der neueren Forschung und die Frage nach dem Ansatz seiner Theologie. Göttingen, 1991.